

База данных оказывается более структурированной, чем словарь, но из-за учета множества различных параметров приобретает характер нелинейности. База представляет собой механизм реализации запросов пользователя, служит для проверки гипотез, тогда как словарь интересен прежде всего как общая картина, панорама.

А. К. Матвеев
Екатеринбург

Мансийская топонимия как историко-этнографический феномен

Фронтальный сбор мансийской топонимии на территории горной части Северного Урала в непосредственных контактах с оленеводами и в водных маршрутах с проводниками позволяет обобщить историко-этнографическую информацию, которая содержится в географических названиях северных манси.

Подавляющее большинство названий на этой территории собственно мансийского происхождения, что указывает на давность ее освоения мансийскими первопоселенцами. Топонимов, которые могут рассматриваться как домансийские, засвидетельствовано сравнительно немного. Это названия некоторых значительных рек, прежде всего в западной части региона, а также ряда гор в верховьях Печоры и севернее. Оронимы такого рода этимологизируются из ненецкого языка, тогда как гидронимы в большинстве случаев до сих пор не нашли сколько-нибудь убедительного объяснения. Из этнонимов, зафиксированных в мансийской топонимии, наиболее частотны *э́рн* 'ненец' и *русь* 'русский'. Этнотопонимы с компонентом *э́рн* указывают на разновременные мансийско-ненецкие контакты, названия с этнонимом *русь* недавнего происхождения.

Содержательная сторона мансийских географических названий аналогична семантике топонимических систем других северных народов, которые восприняли христианство, сохранив вместе с тем основы древних языческих верований. Охотничье-рыболовецкий и оленеводческий быт манси находит объективное и всестороннее отражение в мансийской топонимии. В то же время топонимия манси населена многочисленными языческими божками и духами, как добрыми, так и зловредными. Нередко названия имеют профилактический характер. Указывает топонимия и на священные или табуированные объекты, места жертвоприношений и т. п. Образное видение манси иногда порождало и целые микросистемы взаимосвязанных метафорических названий.

Жизнь северных манси-оленеводов была связана с кочевьем (касланием) в горах Северного Урала. Это обусловило богатство оронимии, которая во многом определяет специфику мансийских географических имен. Горные пейзажи и широкий кругозор благоприятствуют возникновению и развитию семантически связанных групп топонимов. В названиях гор отражены представления, восходящие к древним мифам о потопах (вершины гор не были затоплены), а также к сказаниям о каменных

богах-покровителях и их окаменевших врагах. В историческом отношении особенно интересны оронимы, связанные с культом коня. Это ярчайшее свидетельство лесостепного происхождения манси, родственников венгров-коневодов.

Кочевой быт и полная неожиданностей жизнь оленевода и охотника обусловили появление многочисленных ситуативных названий. Этому в немалой степени способствовало широкое распространение в мансийской топонимии причастных конструкций. Среди ситуативных названий нередки и исторически значимые.

С. А. Мельникова
Москва

О специфике функционирования модели сгибания в лексико-семантическом поле «Сила, здоровье/слабость, болезнь»

В лексико-семантическом поле (ЛСП) «Сила, здоровье/слабость, болезнь» удалось выделить 55 первичных мотивационных моделей. Источниками материала послужили Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т., Словарь русского языка XI–XVII вв. и ряд диалектных словарей. Факультативно к анализу привлекались материалы диалектологических экспедиций в Архангельскую область.

Обнаруженные мотивационные модели позволяют определить представления этноса о болезни и здоровье человека. Тесно связаны между собой не только понятия 'здоровье' и 'болезнь', но и их языковые обозначения: они взаимозависимы в мотивационном отношении и нередко пронизаны антонимичными семантическими моделями. Это подтверждает правомерность их рассмотрения именно как частей единого поля; соотносительными являются 34 модели из 55, еще 20 присущи только части 'болезнь', и лишь одна – специфическая для части 'здоровье'. Соотносительность означает антонимичность в отношениях моделей двух частей поля.

Одним из случаев соотносительности являются антонимичные мотивации 'здоровье' – это «несгибаемость», а 'болезнь' – «согнутость»: **lek-* > *неслякомый* 'несгибаемый, крепкий' («*Кръс болѣзньнмъ ицѣленіе... кръс сздравымъ неслякомое сздравне*»), *слагачи* (*сзлагачи*) 'согнуть, искривить, наклонить' и 'ослабить, истощить' («*Печаль срѣчнаа сзлагачетъ крѣпость*») [СлРЯ XI–XVII].

Однако, как оказалось, возможна антонимия не только в разных частях ЛСП ('здоровье'/'болезнь'), но и в пределах одной части поля. Это подтверждается рассмотрением двух мотивационных моделей, связанных с кривизной, согнутостью.

Преобладает отмеченная выше мотивация 'болезнь' как «согнутость»:

**gъb-/*gъb-*. *выгибаться* 'изнемогать от работы, от чрезмерного напряжения' («*Выгибались мы на покосе-то лонись*») [СРГСУ]; *загнуть* 'умереть, погибнуть'; *сгибать в крюк* 'изнувать, подавлять' («*Нихарошая жысть усигда згибаетъ ф крюк*») [БТДК];